

Анна
Матвеева

Армастан
Я тебя
тоже

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М33

Художественное оформление — *Владимир Мачинский*

Матвеева, Анна Александровна.

М33 Армастан. Я тебя тоже : [повести, рассказы] / Анна Матвеева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. — 248, [8] с. — (Проза Анны Матвеевой).

ISBN 978-5-17-148259-6

Анна Матвеева — автор романов «Каждые сто лет», «Перевал Дятлова, или Тайна девяти», «Завидное чувство Веры Стениной» и «Есть!», сборников рассказов «Катя едет в Сочи», «Спрятанные реки», «Лолотта и другие парижские истории», а также книг «Горожане» и «Картинные девушки». Финалист премий «Большая книга» и «Ясная Поляна».

В новом сборнике рассказов и повестей «Армастан» все тексты так или иначе связаны с визуалом — речь про картины, фотографии, плакаты, рисунки, в общем, про всё, что Гертруда Стайн называла «изображениями на плоской поверхности». Художники, музеи, творческие страдания, а ещё — мучительные поиски жилья, любовный бред и ностальгия. Всё, что мы любим. Вот и «армастан» по-эстонски — «люблю».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148259-6

© Матвеева А.А.
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

ОТРАДНОЕ	7
СВЕЧА СВЯТОЙ АННЫ	107
СИМА, ДЕРЖАЩАЯ КОТЁНКА	118
НОКТЮРН	139
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ИЗВЕСТНО	147
ДЕВУШКА С ПЛОТИНКИ	181
ПТИЦА ЗА ОКНОМ	187
УТРЕННИЙ СОН В МИНСКЕ	200
КРАСАВИЦА	205
АРМАСТАН	221
ІВІД.	232
БЛАГОДАРНОСТИ	251

Отрадное

Повесть

Я так люблю то, что воображаю,
что не могу любить то, что вижу.

ЖОАШЕН ДЮ БЕЛЛЕ

Мой дом — там, где я

Мой дом — там, где я.

Эту фразу я придумала давным-давно — и отбивалась ею от любопытных знакомых, как волшебным мечом от демонов. Демонам, то есть знакомым, было необходимо знать, почему у человека в таком, будем честны, зрелом возрасте до сих пор нет своего жилья. И вместе с бесполезной, будем вновь честны, фразой-мечом меня упрямо выводили к разговору о комнатах, квартирах, ипотеке и «своём жильё».

Но разве есть в этом мире у человека хоть что-то своё?

Тем более я ещё в юности полюбила гостиницы, сильнее люблю разве что аэропорты — только ради аэропортов готова летать по свету без перерыва. Пройти все испытания, как в компьютерной игре, — регистрация, контроль, досмотр, посадка на рейс. Затянуть ремень безопасности — как часовой пояс, уснуть и проснуться с мыслью «Где я?», пройти испытания в очередном аэропорту, приехать в отель ночью, вообразить пейзаж по звукам и запахам, а утром — следить за тем, как изображения накладываются на вымысел (то, что вчера виделось башней, оказалось минаретом, эвкалипт обернулся ивой, а чёрная впадина — морем). В гостиницах всегда происходит что-то чудесное — вдруг за стеной запоют песню, которую, как ты думаешь, кроме тебя никто не помнит, за окном расплывётся улыбка исламской луны, а потом случайно сломаешь кнопку смыва в ванной, и тебя переведут со всеми почестями в номер для молодожёнов — потому что других свободных нет. Как же сладко спалось на той огромной кровати с балдахинном!

В документах моих указан домашний адрес родителей в Екатеринбурге — но на деле я появлялась там несколько раз в год, а всё остальное время скакала по свету «как бешеная блоха» (выражение бабушки-долгожительницы). Бабушка, кстати, называла меня блохой без всякого осуждения — скорее даже с одобрением, потому что сама в молодые годы тоже любила путешествия. «Но не до такой же степени! — возмущалась мама. — У тебя чемо-

даны снашиваются быстрее, чем у нормальных людей обувь!»

И всё же даже таким людям однажды приходится взрослеть. Как ни отгоняла я от себя мысль о том, что однажды придётся осесть, год назад она встала передо мной в полный рост — и никакие мечи тут уже, конечно, не помогли. К тому же они и так не справлялись.

Сначала громыхнула пандемия, из-за которой накрылись разом все мои поездки, — и я уныло сидела в Екатеринбурге, чувствуя, как старею на глазах с каждой проведённой дома минутой.

А потом внезапно умерла бабушка.

Не от ковида, нет. Просто пришло время. «Время смерти» — как говорят в медицинских сериалах.

Умерла она, как мечтала, — во сне.

Я любила бабушку сильнее родителей и знала, что она меня любит. Потому и завещала квартиру возле Харитоновского парка не своей дочери — моей маме, а мне.

Маму завещание обидело: я поняла это по взгляду, который прокатился по мне, как, бывает, проезжает по лицу свет от автомобиля — если ночуешь в дешёвом отеле без штор. Но вслух она ничего не сказала — точнее, сказала, что готова помочь с переездом. А отец вообще отмолчался. Во весь голос они оба начали орать на меня, когда я заявила, что ни о каком переезде в бабушкину квартиру не может быть и речи.

Потому что если уж где-то и осесть в России, так только в Москве.

ЧЁРНЫЙ ПУХОВИК

Москву я не любила, да я и вообще ни о каком городе не могла бы сказать, что люблю его. Мне нравилась дорога из города в город, само ожидание встречи с ним, а на месте, в каком-нибудь Ульяновске или Ереване, тут же становилось скучно. Только в двух городах мира я ощутила некоторое родство с ними, как будто жила там в других своих жизнях, в которые не верю, — это Париж и Сергиев Посад.

Но если уж где-то придётся бросить якорь, то пусть это будет Москва — отсюда удобно добираться в другие города и страны, которые однажды откроются. Из Екатеринбурга каждый второй перелёт приходилось стыковать с Москвой, вот потому-то я и решила купить квартиру в столице. Но прежде нужно было продать бабушкину, у Харитоновского парка. Иначе не видать московских метров.

Мама сорвала голос, пытаюсь отговорить меня от «незрелого шага». Она плакала, мне было жаль её, но я стояла на своём.

— Неужели ты бросишь нас на старости лет? — спросил отец, а я подумала: ну какая старость лет, им чуть-чуть за шестьдесят, они до сих пор работают и ничем серьёзным не болеют. Даже ковид нас миновал. Я хотела сказать это вслух, но отец махнул рукой: делай как знаешь.

Через день он уже нашёл мне риелтора по имени Юрий Маркович Хабибулин.

— Какое-то странное имя, — сказала я. — Маркович, но Хабибулин?

— Может быть, это фамилия отчима, — пожал плечами отец. — Не о том думаешь! Мои его сильно хвалят, вот это важно.

«Мои» — так отец зовёт своих коллег, не уточняя, о ком именно идёт речь.

— Юрий Маркович специализируется на сложных случаях, — добавил он.

— А разве у нас сложный? — удивилась я. Мне казалось, что такую квартиру, как у бабушки, — три комнаты в центре, высокие потолки, паркет — купят, как только мы её выставим. Что очередь желающих будет стоять до горизонта.

— Ох, Ленка, — вздохнул отец. — Там же очень специфическая планировка, к тому же паркет сломан, окна старые... Нужен серьёзный ремонт, вложения. Сейчас знаешь какие квартиры продают — люди въезжают просто с чемоданчиком!

Он жестом показал, как человек заходит в квартиру с чемоданчиком, и я тут же вспыхнула от радости, потому что поняла — я тоже хочу зайти в свою московскую квартиру с чемоданчиком! Чтобы никаких ремонтов, покупки мебели, всей этой скучной ерунды!

— А ты приценилась к Москве-то своей? — ревниво спросила мама. — Хватит тебе хоть на однушку?

Я призадумалась. Якорь, который я собралась бросить в столице, подзавис в воздухе. Вообще я довольно практична и подкована в самых разных

областях, но о малоувлекательном мире недвижимости не знала совершенно ничего. Когда знакомые демоны, а также мои подруги и некоторые мужчины заводили разговор о жилье, ремонтах, интерьерах, я тут же отключала слух и благожелательно кивала, выстраивая в голове очередное путешествие.

У меня довольно скучная, как считают непосвящённые люди, профессия — я специалист по клиническим исследованиям. Проще говоря, монитор. Слежу за тем, чтобы испытания новых препаратов проводились надлежащим образом. Когда я поступала в медицинский, то не думала, что буду заниматься чем-то таким, — я вообще ни о чём особо не задумывалась, просто в моей семье все врачи, вот я и не стала нарушать традицию. Но уже на первом курсе поняла, что никогда не смогу работать в больнице. Хотела бросить институт, но тут вмешался отец и сказал, что я обязана завершить обучение, а потом непременно подвернётся что-то подходящее моему «неусидчивому существу».

И оно действительно подвернулось. Мне моя работа нравится, к тому же зарабатываю я намного больше своих бывших однокурсников, за исключением тех, кто пошёл в пластику или пустил корни в частных клиниках.

Но квартира в Москве мне была, конечно, не по зубам. К тому же я не обзавелась полезной привычкой откладывать деньги — я с лёгкостью тратила всё, что получала, на то, что мне нравилось, то есть на путешествия. Отпуск, каникулы, выходные — все

свободные дни я обязательно проводила где угодно, лишь бы не дома.

Если задуматься, то это, вообще говоря, странно, ведь в родительской квартире мне было всегда хорошо, я была к ней по-своему привязана и испытывала чувство благодарности за то, что родители приняли меня назад после единственного неудачного брака и второй, краткой, попытки жить с кем-то неродным по крови. И в том и в другом случае жилплощадь принадлежала мужчинам, и я на неё не претендовала, к тому же уходила я сама, меня никто не гнал, а значит, и прав никаких у меня не было.

Откладывать деньги я не откладывала, но за год пандемии на счёте сама собой образовалась довольно приятная сумма, которой мне хватило бы на какое-то время. Путешествия оставались недоступными, а других расходов почти не было.

Да, я могла бы снимать квартиру в Екатеринбурге или даже купить свою. Просто раньше в этом не было смысла — я почти не бывала дома, ну и родители, в общем, скорее радовались моему присутствию, чем жаловались на него.

Возможно, я соглашалась на все командировки без исключения именно потому, что таким образом как бы *не жила* с родителями: если постоянно ездить, то ты уже не одинокая неудачница, а жутко занятая деловая дама с картами лояльности всех существующих авиакомпаний.

И если бы не пандемия, я, возможно, не стала бы связываться с каким-то собственным жильём — мне это казалось невозможной морокой. Я стра-

дала уже только от мысли о том, что придётся делать выбор, продавать и покупать жильё, переезжать, какой ужас, господи.

Квартиру у Харитоновского парка мы выставили на продажу в октябре 2021 года — сразу после того, как я вступила в наследство.

Пандемия то накатывала, то утихала, все бурно обсуждали прививки (сразу скажу, я их не делала, как и большинство моих знакомых врачей), болели тяжело и не очень. Маски носить уже вроде бы как считалось необязательным, поэтому, когда я впервые увидела риелтора Юрия Марковича Хабибулина, то, мягко говоря, удивилась. Он назначил мне встречу на выходе из супермаркета «Гипербола» на первом этаже торгового центра «Гринвич». Этот «Гринвич» — целый город в городе, я каждый раз боюсь там заблудиться и каждый раз промахиваюсь с нужным входом и выходом.

— А как я вас узнаю? — спросила я Юрия Марковича по телефону.

— Я буду в чёрном пуховике, — сообщил он.

В ноябрьскую пору весь Екатеринбург, включая меня, обрягается в чёрные пуховики, поэтому я попросила озвучить ещё какую-нибудь примету.

— Очки, — сказал риелтор. — Я ношу очки. Да вы не переживайте, Елена Дмитриевна, я вас сам узнаю! У меня глаз намётанный.

Он действительно подошёл ко мне сам, и я вздрогнула. Чёрный пуховик и очки поверх намётанных глаз были на месте, но к ним прилагалась ещё и стерильная маска, и меховая шапка «пирожок» (мой дед

носил такую в конце семидесятых, если верить фото), и чёрные резиновые перчатки. Перед собой Хабибулин толкал корзину на колёсах, нагруженную с горкой, — сверху подпрыгивали несколько коробок с тортами, цветущими масляными розами.

— Юбилей, — сказал риелтор. — Отмечаем, конечно, дома.

Я не стала уточнять, чей юбилей он отмечает, а предложила посидеть в каком-нибудь кафе и обсудить продажу квартиры. Но у Хабибулина были другие планы:

— Нет-нет, в кафе я сейчас не хожу, это безответственно. Давайте поговорим прямо здесь, не возражаете? Сколько метров? Комнат? Смежные-раздельные? Балкон?

Он засыпал меня вопросами, а сам при этом толкал свою тележку к ближайшей парковке. Я еле успевала за ними обоими, притом что хожу достаточно быстро. И ещё я беспокоилась за торты — они тряслись, как стиральная машина в режиме сушки. Одна из роз уже пострадала.

— Наверное, вы захотите посмотреть квартиру? — спросила я безо всякой уверенности.

— Посмотрю, конечно, — сказал Хабибулин безо всякого энтузиазма. — Но вообще, время сейчас не самое удачное для продажи квартир.

Я хотела спросить, а точно ли он работает риелтором? Может, отец что-то напутал? Но Юрий Маркович опередил меня:

— А вы, Елена Дмитриевна, напомните, кем трудитесь?

Услышав ответ, он расплылся в такой улыбке, что маска чуть не треснула.

— Обожаю врачей, — заявил он. — Да ещё и специалист по клиническим испытаниям! А вот скажите...

И тут он завёл разговор о лекарствах против короны и о действенности прививок. Я хотела было сказать, что даю расписку о неразглашении информации, что соответствовало действительности, но выражение той небольшой части лица Юрия Марковича, которая оставалась открытой, подсказало мне, что это будет стратегически неверным ходом. Поэтому, неглубоко вдохнув, начала рассказывать ему всё, что мне на сегодняшний день было известно. С некоторыми купюрами, разумеется.

Прежде я никогда не встречала человека, который бы так сосредоточенно поглощал информацию, — он осмыслял каждое моё слово настолько внимательно, что это сказалось на скорости движения тележки. В итоге мы встали у витрины зоомагазина, прямо под рекламой корма для попугаев.

— Понятно, понятно, — задумчиво сказал Хабибулин, почёсывая левую щеку под маской. — Ясно, ясно. Я примерно так и думал... Вы рассеяли мои сомнения. И посеяли новые. Что ж, Елена Дмитриевна, давайте завтра в три у вас там прямо и встретимся. И мне нужны будут хорошие фотографии. У вас есть?

— Мои? — глупо спросила я.

— Квартиры, — хохотнул риелтор.

На этом мы с ним и расстались, я пошла к очередному «не тому выходу», а Хабибулин продолжил катить торты к парковке. Ни ему, ни мне не пришло в голову, что можно меня подвезти или хотя бы предложить это сделать.

К тому же я забыла поздравить его с юбилеем.

Интересно, сколько ему стукнуло?

ЛЮДИ С КОНЦА АЛФАВИТА

Я бы не сказала, что придаю внешности людей такое уж большое значение. Вот мой бывший муж, тот, например, считал, что она определяет в человеке абсолютно всё, — клялся, что по лицу умеючи можно прочесть столько же, сколько узнают за пять лет совместной жизни (ровно столько мы с ним, кстати, и прожили).

В прошлом году я летела в командировку в Архангельск, и рядом со мной восседал краснолицый великан, у которого были громадные зубы (при этом он всё время улыбался) и огромные ручки: просто какой-то персонаж из страшной сказки. Ребёнок, сидевший через проход, расплакался, когда его увидел, да и я поёжилась. Я предпочла бы более приятного попутчика, но билет купили в эконом, так что мои предпочтения никого не интересовали. Великан половину дороги молчал, а потом вдруг осторожно тронул меня за плечо — если бы не ремень безопасности, я бы

подпрыгнула! Но он смотрел на меня, улыбаясь во все свои страшные зубы, — и протягивал ладонь, в которой лежала крошечная конфетка. Корейский леденец с мятной начинкой, я такие очень люблю и всегда покупаю их на Дальнем Востоке. Я взяла конфетку, поблагодарила, и в ладони тут же появилась ещё одна. Видимо, я понравилась великану. Он жил в Магадане, а в Архангельск летел к каким-то родственникам (тоже, наверное, не маленьким) — и ему хотелось рассказать мне, как давно они не виделись и какая красота у них в Магадане! Приглашал в гости, всучил на прощание пакет с леденцами. Нет, нельзя доверять внешности, думала я, глядя, как Хабибулин с тележкой исчезает во тьме парковки. И манерами тоже не следует обманываться. Вполне возможно, что Юрий Маркович замечательный специалист, просто выглядит и ведёт себя не слишком привычно.

Я уговаривала себя, думая при этом, что интуиции доверять как раз таки следует, — она меня ни разу в жизни не обманывала, в то время как я ей никогда не верила. Моя интуиция — просто Кассандра какая-то! Сейчас она была во все колокола — предупреждая, что ничем хорошим эта история с Хабибулиным не кончится и лучше было бы поспрашивать моих многочисленных знакомых, нет ли у них на примете толкового риелтора, но я благодушно делала вид, что не слышу никакого колокольного звона.